

Его последнее сказанье

Сергей Панюшкин прожил большую, насыщенную яркими, полными драматизма событиями жизнь. Участник трёх войн (Финской, Великой Отечественной и Японской), он — автор более тридцати книг стихов, прозы, множества краеведческих и литературоведческих публикаций. До смертного своего часа в возрасте 91 года, активно работал, был основателем различных литературных проектов

Человек героической судьбы, Сергей Порфирьевич, конечно, много и талантливо поведал о своих фронтовых переживаниях. В сборниках стихов «Правый борт», «Стихи разных лет», «Звук» и романе «Крах» он воскрешает страницы войны: пишет о том, как сопровождал грузы для блокадного Ленинграда, как тонул в балтийских водах при попадании вражеской мины в эсминец.

Поэт подводит итог пережитому в предисловии к «Звуку». Ему кажется чудом, что смог выжить после всего, что выпало на его долю: «четвертование чумой, холерой, малярией и голодом в Волжском понизовье», «стужей и голодом на берегах Невы и Дороге жизни», «смертельные муки в хладных водах Балтики и Тихого океана».

Панюшкин состоялся не только как автор талантливых стихов и прозы, но и как подвижник от литературы, который пристально изучал духовное наследие своей второй родины: её историю, литературное и народно-песенное творчество края (исследование «Напевы Подстепья»), воскрешал забытые имена. Так, им был открыт писатель Алексей Липецкий, репрессированный в 1930-е годы. Панюшкин же вернул читателю имя Анны Буниной, поэтессы, жившей на стыке XVIII и XIX веков. Обе книги, выпущенные им в 1990-е, снабжены развёрнутыми предисловиями, содержащими биографические данные и анализ творчества авторов.

Писатель инициировал издание объёмной энциклопедии «Писатели Черноземья», а также краеведческих альманахов «Родники Липецкие», посвящённых великим творцам, чей след на Липецкой земле сохранился в названиях бывших усадеб и сёл: «Лермонтовское Кропотово», «Бунинские Озёрки», «Урусово» (об Анне Буниной и Семёнове-Тяньшанском).

Две последние книги Панюшкина, которые ему, полностью утратившему зрение, удалось завершить и даже поддержать в руках перед уходом — документальные повести о неординарных личностях, людях, с которыми сталкивала судьба. Причислявший себя к «людям жилистой породы», писатель и своих персонажей выбирал по таким же критериям. Герой «Повести о Житкове» — нейрхирург областной больницы, спасший немало жизней, в том числе и самого автора после тяжёлой автокатастрофы на одной из дорог области. Другая книга — «Владимир Топорков» — о судьбе человека, выбившегося из самой глубинки к руководящим партийным и хозяйственным должностям (дорос до поста первого секретаря обкома), но далеко не карьериста, а писателя, оставившего интересные произведения о деревне: романы «Засуха», «Наследство», повесть «В камышах», сборники рассказов.

Я хорошо знал Сергея Порфирьевича. Наша дружба плавно перешла из 60-х годов прошлого века в нынешний. И разница в возрасте (я моложе на 16 лет) нисколько не мешала ей. Наоборот, укрепляла человеческую и творческую связь. А его общительность, умение расположить к себе людей — от маститых чиновников до самых простых работяг — давала мне наглядные жизненные уроки и делала содержательными наши встречи с представителями самых разных профессий: рыбаками, шахтёрами, оленеводами, да и с писателями, которых мы встречали на пути. Благодаря Сергею Порфирьевичу, я познакомился с прозаиками-архангелогородцами Нико-

лаем Жернаковым, Степаном Писаховым, вологодцами Константином Конищевым, Дмитрием Сухаревым, капитаном дальнего плавания, писателем Константином Бадигиным, чьё научное судно стояло в те дни у архангельского причала.

Выходили мы с рыбаками на сейнерах и в Белое море, где однажды попали в одиннадцатибалльный шторм, и в Сахалинские воды — от Холмска до Невельска, причём капитаны судов, узнав о военно-морской биографии моего спутника, доверяли ему штурвал во время похода.

«Я шёл за тобою, как сейнер — по створам», — писал я позже, вспоминая наши поездки. В пути Панюшкин был молчалив и сосредоточен. О своих военных годах почти не упоминал. Лишь спустя десятилетия по книгам стихов я узнавал о его боевых подвигах и буднях. Конечно, иногда он произносил названия особенно памятных ему мест, где приходилось особенно тяжело: «Невский пятачок», «Кобоны», но мне они тогда мало что говорили. Лишь из его стихов пришлось узнать, какие смертные бои шли там, на узкой полоске Невского берега, на подступах к Ленинграду: «Засыпал на ходу я на ладожском льду под разрывы снарядов и посвист метелей», или: «Плывьёт, плывёт мой первый взвод, ломая льдины ножевые», «нас в живых осталось единицы» из тех, кто стоял «броневым заслоном» у блокадного города. И конечно, как бы само собой вытекающее: «Потому и восстала из пепла страна, что с тобой мы шагали Дорогою жизни!».

Поэт справедливо негодует, сталкиваясь лично или слыша о вопиющих случаях вандализма по отношению к памятникам войны. Для него, фронтовика, эти памятные знаки в виде солдатских обелисков или изваяний — как живые защитники Отечества. И потому бессильны все потуги тех, кто пытается их разрушить: «Меня, солдата, убивали, а повалить никто не смог».

Послевоенная судьба принесла поэту и много светлых дней, и ударов судьбы. Он окончательно утвердился в Липецке как уважаемая всеми творческая личность, здесь у него родились двое сыновей: старший стал речным капитаном, младший — инженером на заводе. Но в годы перестройки второй погиб от руки бандитов. Что ещё из тёмных сторон жизни? Не поладил с областным начальством. Из-за чего? Да всё из-за даты основания Липецка. Не могли чиновники простить перемену в устоявшемся взгляде на это историческое событие, многое пришлось бы менять в прежних наработках. А ведь были серьёзные основания у поэта, о чём говорили и результаты раскопок, и подтверждение его гипотезы таким известным учёным, занимавшимся историей древних славян, как Борис Александрович Рыбаков.

Интерес к древней истории Руси был сопряжён у Сергея Панюшкина и с темой язычества, поскольку оба эти явления неразрывно связаны. Азарт в изучении язычества был настолько силён, что воплотился в большой цикл «Тропы Ярилы», опубликованный в его сборнике «Выпустить птицу на волю». Название символично, ибо «выпустить птицу» означало привлечь внимание читателя к ранней религии наших предков, которая была надёжной опорой во всех случаях жизни

древних славян: в трудах, быту, в культуре общения, во всех бедах и праздниках. Поведал поэт о самых почитаемых божествах: Перуне, Яриле, но особенно приглянулись ему Лад и Лада — бог и богиня, верующие «она в него, а он в неё», то есть две ипостаси одной любви. Но «Лад» для поэта — это ещё и «мир в роду», и оберег от нечистой силы.

На протяжении многих лет раздумья о языке не отпускали поэта. И вылились в прозаическом произведении «Долг русский год» в книге «Горный орёл». Не отрицая христианства, автор горячо заступается за древние верования. А по поводу Крещения Руси выдвигает догадку, что оно было вынужденной мерой: князь Владимир боялся изоляции от Европы. О том, как в буквальном смысле тащили Русь в свою веру западные концессии после раскола в христианстве, Панюшкин пишет: «Теперь уже три ветви — Иудея, западные католики и Византия — поведали атаки на Русь, чтобы и тут покончить с ненавистными язычниками, их праславянским укладом... Русь хранила свои верования в условиях жестокого давления полтыщи лет».

На поэтичном восприятии мира, по представлению автора, основывались нравственные устои древних: «Была культура паши, культура ношения платья, культура возведения капищ, истуканов — скульптур, храмин, кумирен, культура языка...». «Кланялся человек живой воде, кланялся огню, воздуху, которым дышал, кланялся тверди Земной и Небесной, что охраняли его». Была и своя писаная история Руси — легендарная книга Велесова, а как подобие Библии — труд о сотворении мира — «Створение», принадлежащая перу Вещего Бояна. Нельзя отказать данной теории в стройности и красоте, а кое-что из этих верований, таких как поклонение воде и воздуху как основам жизни, неплохо бы возобновить в наши дни.

Мне, часто гостившему в доме у друга в бытность моих поездок по области в качестве разъездного корреспондента, курсируя между Ельцом и Липецком, доводилось видеть, с каким упорством и энергией Панюшкин переворачивал горы книг, ища подтверждение той или иной своей гипотезы. И ночами, и по утрам, ещё в постели, он исписывал сотни страниц в блокнотах. Тут и стихи, и наброски статей, и рисун-

ки. Он неплохо рисовал, и после наших дальних поездок я видел в его блокнотах портреты людей, с которыми нам приходилось встречаться. Прекрасная зрительная память помогла ему в годы недуга — полной утраты зрения.

В ряду последних его сборников, выпущенных в эти тяжелейшие для поэта годы, самая характерная книга — «Звук». Новое постижение мира — через звуки — даёт толчок иным ощущениям: «звуки дышат» и переполняют поэта настолько, что «не дохнуть от звука мне». Звук — и в его славной родословной — биографиях поморов и воинов, и в его собственной: «обрёл наследный звук не вдруг», и вообще, что остаётся от стихов, как не «звук единый»? К тому же, по его формуле, «звук и озон — с небес».

Но слышит Панюшкин и иные, диссонансные звуки, вторгающиеся в слух при нынешнем состоянии России: «Довели Россию донельзя: вместо песни — истошный крик». На слуху в обществе и такое веяние: «прав тот, кто не имеет прав». Не смог не осудить автор и скверность «новых русских», построивших своё благосостояние на бедах народа. Они раскошеляются лишь на «заезжие поп-туры от секс-культуры».

И рядом с этой полемичностью и гневом у поэта рождаются чистые, прозрачные строки о маленькой речушке, даже «пращечке», что огибаёт приют поэта-личанина — его «Детинец в устье горевом», славящийся однако важной исторической достопримечательностью, им же самим и открытой: «Где жил Боян в слободке "Куликовка"». Это написано о глубоком урокище, на краю которого и ныне стоит дом, бывший приютом поэта долгие годы. Скоро на стене его будет открыта мемориальная доска.

Отсюда ещё при жизни Панюшкина перекочевали в школьный музей Липецкой гимназии №12, в которой поэт часто выступал на литературных вечерах перед учащимися, его личные вещи: китель капитана третьего ранга с орденами и медалями, штурвал и компас с военного судна, резное деревянное кресло, им самим выполненное — с изображением любимого им божества Ярилы на спинке, пишущая машинка, авторские сборники и книги из его библиотеки. Мне приходилось бывать на этих его выступлениях перед гимназистами. Там читались не только стихи, но и произносились живые эмоциональные речи, закладывавшие в сознание ребят такие необходимые мировоззренческие понятия, как патриотизм, нравственность, постоянное стремление мыслить, творить.

Но вернёмся к его последнему сказанию... Последнее слово, последняя воля поэта — эти две небольшие по объёму книги документальной прозы из им же начатой литературной серии «Замечательные люди Черноземья». Думаю, к ним надо отнести как к определённому символу, точке, поставленной автором в конце длинного творческого пути. В них — очередная дань его второй родине и своего рода завещание, пожелание продолжения данного проекта. Надо думать, под этой рубрикой появятся новые книги авторов, которые откроют читателям духовные богатства людей Центра России как прошлых, так и нынешних поколений. Верится, что произведения эти не пройдут мимо благодарного внимания читателей-земляков, которые много лет находились под впечатлением творчества Сергея Панюшкина.